Любовь Бушканец.

Впрогрезь.

Стихи.

Книга 1-я.

МОСКВА - 1922.

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/vprogrezstikhi008800

Любовь Бушканец.

Впрогрезь.

Стихи.

Книга 1-я.

МОСКВА,—1922.

Главлит. № 2643. Тираж 500.

Типография Центросоюза, Денисовский пер., 30.

Цикада бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня,
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризну или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой язык учу.

Пушкин.

ВПРОГРЕЗЬ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этом сборнике датировка стихотворений прерывается на временах войны и первых лет революции и, может быть, вне намерений автора внушительно подчеркивает разницу между двумя эпохами его писательства, совпадающую с тем процессом самоосознания, который пришлось пережить любому русскому интеллигенту.

Первая часть сборника занята стихами, где автор пробовал словоновшество во что бы ни стало, строил мудреные речения и выбирал слова с загибиной и закорючкой, это оборвалось. Потом под шум великих общественных потрясений из его поэзии стало по цыплячьи вылупляться большая, но вовсе не испуганная нежность, а когда вылупилась и попробовала запеть, то оказалось, что ей петь не о чем и жалеть никого не стоит. Вместо нежности оказалась сатира и обличение.

Так развивалось чувство, легшее в основу письма автора. Он повидимому очень ценит, именно, этот элемент своей поэзии и заботливо охраняет его от всяких возможных насилий со стороны статической формы стихострофы. Кажется, он прав.

И. А. Аксенов.

ВПРОГРЕЗЬ.

Вся я впрогрезь.—
Сознанье почти не волхвует.
Покачнулись дремотные соцветия.
Изнеможенно ласкают
Пушистые звуко-блики.
Над ржавым прудом
Дум—
Зыбкие поцелуи, улыбки
Слагает влажно-синий звон.

Москва 1914 г.

СТАРУХА.

Глаза у Старухи игривые,—
Она не видит, что могильная,—
Она забыла, что скрипучая,—
Она не знает, что трясучая.

Пришли Безглазые—огонь задули,—
Гнилое дерево мертво мерцает.
Старуху карты не обманули—
Король бубновый ей кивает.

Над ней стекло небес лазурится;
Под нею пыль туманно хмурится.
Шарманка нудит блекло-дальняя
Старуха—жизни кость игральная.

Петербург 1914 г.

Все сны, дремоты, получувства
Облекаю в звучащие одежды.
Кто видел первый всплеск любви?
Ты слышишь вскрики крутизны?
Бессилен взор сковать огни.
Прошумела мерная мгла.
Музыка мгновеньями
Обнажает тайну—
И снова тьма—
В доме покойника
Закрытое зеркало.

Петербург 1914 г.

ОСЕНЬ.

Спиралит воздух ворон четкий.
Эбенный контур хоронит небо.
Вороньи крики—зов прощальный.
Прозрачен возглас светлодальний.
Я пью деревьев хрустящий шорох.
Кресты погоста простерли длани
К багрец-закату.
Под ними лилии пылают кровью.
Бездумно листья плетут напевы.
Эбенно носит осенний воздух
Ворон метели.

Петербург 1914 г.

Укус осы свистит над ухом,—
Дрожит надглазная дуга.
Страх—
Смыкает леса ресниц.
Душа пушинкой в голубое.
Вееровый шелест мыши
В тишину шершаво—
Погас.
Отжужжала оса—хмель жути сник.
Огневетром пахнуло:
Руины фабрик в косых предутра
Свеченьях—сталактиты
В сотовом меду—
Вростают в глубину предчувствий.

Петербург 1914 г.

НЕВЕСТА ОКТЯБРЯ.

Ночью—
Жалкая скрипка
Светлее симфонии.
Ветер зыбкий
Швыряет
Обрывки рыданий.
Я свою Манон
Не вчера потерял.
Кумачевая девочка
Невестой октября—
Красным облачком
Поднялась.

Москва 1922 г.

КУКЛА.

Впросинь огнистый струится
Зыбким ладаном туман.
Бьет раскрашенная кукла
Ручкой лайковой в тимпан.

Промелькнула рдяность смеха
На искривленных губах.
Вперебой бегут слезинки—
Мох ресничек в бубенцах.

Змейкой в бантике пурпуро
По спине ползет коса.
Робко ручку протянула—
Зло ужалила—оса.

Петербург 1914 г.

Рдяный Октябрь!
Мне хочется петь тебя—
Нестерпимую мощь твою петь.
Но я ласковый чижик
Только могу—
Детство, пушиство,
Шелковый голос любви
Я могу.
Электровозик малюсенький,
По фанере крысой бегущий,
Зверюшек косматых —
Могу.
Нежно динь—динь прозвенеть.
И все.

Москва 1921.

Сомнамбула—поэт—
Радугу слов
Бр сил во след:
Мудрым, простым, детям, зверям.
Я зову вас
В глуби недомолвности.
Приникните к земле—
Дурманящая зыбь:
Перезвон сердец.
Круг над кругом—
Круг над кругом—
Реют предчувствия
Великих трепетов.

Петербург 1914 г.

Кто сказал —
Я Мим,
Пронзенный бутафорской шпагой?
Сотни стеклянных глаз
Метнутся мимо:
Расцвеченный
Лоскутами крови
Лежу.
Возьми, ненужное сердце!
Нельзя мне любить
Смертно ранящие
Острия —
Как из под купола небес
Не уйти от тебя.

Петербург 1914 г.

Наклон березы укоризненный
Смягчил угасающий день.
Матовую звучь
Полей
Трауром одела
Тень.
За тенью любимой
Нелюбой
Бреду, спотыкаюсь,
Роняю охапками
Маки.

Петербург 1914 г.

САЛОМЕЯ.

Не может лед
Дымящуюся рану
Сковать.
Слепая мука
Рукам распятым
Не даст любимой головы.
А в небе
Золотой паук
Ткет злое дело
Для ловитвы.
Вонзай поглубже
В рану жало.

Москва 1922 г.

Коснуться лживых глаз
Дрожащими огнями
Очей ответных.
Туманно отразить
Изменчивость
Мерцающих глубин.
Познать усталость
Дней.
Когда прийдет
Разлученных
Последний час—
Слезу негневную
Излить.

Петербург 1913 г.

Чудо благовонии.
Плещут водометы
Зелени шуршащей
В хрупкий небосвод.
И гроза червонной медью простонала.
Месяц коронован алой тучей роз.
В ивах, отягченных
Скорбию юдоли
Прокричали совы
Ранили до боли.
Вновь я голубая,—

Петербург 1913 г.

Утаил—намек шепнул предчувствие.
Туман приблизил недосказ,
Окрылил душу светозар.
Узывны звоны—
Стрекозьи зовы в сизой мгле.
Пепельных далей отсветы стынут.
Зеленая пряжа влечет.
Бредом моим
Небо—
Голубо-красная плошка—
Опрокинуто,—
Крик исторгает немой.

Петербург 1914 г.

В ЛЕСУ.

Гротеск теней беззвучно вздрогнул.
Сердце страхом пригвождено—
Упало.
Мрак предолжает растление мира.
Меж дерев басовая струна:
Жук!
Близ стволов
Стволом тянусь—
Чую небо.

Петербург 1914 г.

Над морем птица молодая
Легкая,-как я.
Белое родилось в сердце песнопенье.
На медвяный вереск падает роса.
Всюду бриллианты,
Ливня адаманты.
Во дворце прозрачном
Приютила фея
Белую меня.
Кончилась гроза.
Песню не допела
В зеркало смотрела—
Из очей катилась
За слезой слеза.

Москва 1913 г.

РОДИНА.

Всю Россию в чашечку с разводами,—
Ни одной капельки не расплескать.
Бедная, бедная, безнежная—
И он, и она, и оно—
Никем многолетне не обласканы.
Ну, просто так—
Подойти—
Погладить шершавую голову:
Моя усталая, моя неприласканная!

Москва 1922 г.

В Ь Ю Г А.

Полевьюжная Россия закружилась,
Прохрипела, приседая у опушек.
Одиночится путник в сугробах, —
Христу,
Давиду-царю
Молится.
Плачет,
Сбиваясь с дороги текста,
Юродивится, кликушествует
Вьюга.

Петербург 1914 г.

Замшевая нежность
Мышью притаилась.
Устало сердце
Кричать с трибуны.
Шептанье на ухо—
Маленький, маленький,
Пушистенький зверюшонок.
Голова к голове—
Дыши со мной.
На экране
Кувыркается
Клоун с луной.
Назад—
В интимный хлев
На вышке.

Москва 1922 г.

РУССКОЕ.

Осиянная вдумчивость
Серого утра.
Излученная жаркая грусть.
Это утро—
Девочка, кем то обиженная.
Надтреснуты звоны
Наивного храма.
Сердце выси приближенно.
Светлы
В тиши утра
Непролитые слезы.
Слышен шопот—
Умри в примиренности.

Петербург 1914 г

Красный вихревик
Бросил меня навзнич,
Жгучестью красной
Прожигает меня—
Недотыкомку Революции.
Устала.
Некогда знала нежность.
В Ресефесере есть Поволожье—
Равнодушные везут на дровнях
Людей:
Голые—замороженные зайцы.
Где по образу—подобию?

Москва 1922 г.

Платон Каратаев!
Прости меня окаянную.
Ты, бредом голода пьяный,
Обглалываешь кости ближнего.
Не кричу великим криком,
Заглушив пасхальные звоны:
Люди!
С кульками—узлами—мешками
На спине, на груди, на голове!
Радио швыряет вам
В морды—
Хрипы,
Пожирающих, пожираемых
Скелетов!
Ты, черный пастырь,
Арканом сдавил
Поволжье—кладбище!
Твоя каинова святость—
Без бриллиантов мертва!
Иди,—
Ты утонешь
В море бриллиантов,
Источаемых
Агонирующими очами
Детей!

На твоем небе
Тысячи ангелов:
Ты—их творец,
С крестом золотым
Детомор!
Поволжанин, прости.
Молчу—
Ком земли
На могилу твою

Москва, 26 апреля 1922 г.

БЫТОВОЕ.

Чайники в колпаках
Шеренгой уныло бьют крану поклоны.
Гуднет космато
Паровоз паукастый,
В жавороньей высоте
Зачешет язык колокол канареечный.
Вшивые homo sapiens, ошпаривая руки,
Пожираемы
Горланящими теплушками.
Две пятерни всунув в рот,
Стынет наплаканная,
Очи скосив на последний вагон,
Девочка
На крышах выплясывают мешочники.
Скучнее советской барышни
Вокзального плаката—
Ритм.

Москва 1921 г.

В буферах запуталась!
Тормози, тормози, тормози!..
Картофель из мешка!
Караул! душа моя вон!
Дети мои!
Плачут испепленные рты.
Слава тебе
Жестоковышнему!
Впереди детей к тебе иду!

Москва 1922 г.

ДЕТСКОЕ.

Чернозолотой мальчик
Изумля—
Мое горячее трепетанье—
Ручки прижимает к глазам:
Мама,
На луне
Небо черным—черно,
Голубого там
У них ничего нет,—
Жалко!

Москва 1921 г.

Мой сын вылепил
Желтее солнца зубчатый крендель —
Птица на лету!
Играет хорал на органе
Старый Гендель.
Эй, белокурый мальчишка!
Довольно играть со мной в жмурки,—
Кричит—
Повторенный миллиардно закат,
Не домчит ли тебя
Вещая Сивка-бурка—
На жаровне моей
Славно изжаришь крендель!
—Не дразни!
Да замолчи ты, Старый Гендель.
Я придумаю машину вышенебную,—
Дай добраться до тебя!

Москва 1922 г.

СКАЗОЧКА.

Горбун любил девочку—
Из бабушкиных обоев.
Такой гористый горбун.
Девочка—так всегда бывает —
Смеялась.
А смешинки, с тахим звоном
Падая—
Вызванивали:
Горбатого могила исправит.
Вы хотите знать конец?
Он умер.
Ах, забыла—
Девочку недавно хоронили.

Петербург 1914 т.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
1.	Впрогрезь	7
2.	Старуха	8
3.	Все сны, дремоты, получувства	9
4.	Осень	10
5.	Укус осы свистит над ухом	11
6.	Невеста Октября	12
7.	Кукла	13
8.	Рдяный Октябрь	14
9.	Сомнамбула поэт	15
10.	Кто сказал	16
11.	Наклон березы укоризненный	17
12.	Саломея	18
13.	Коснуться лживых глаз	19
14.	Чудо благовоний	20
15.	Утаил намек-шеппул предчувствие	21
16.	В лесу	22
17.	Над морем птица молодая	23
18.	Всю Россию в чашечку с разводами	27
19.	Вьюга	28
20.	Замшевая нежность	29
21.	Русское	30
22.	Красный Вихревик	31
23.	Платон Каратаев	32
24.	Чайники в колпаках	37
25.	В буферах запуталась	38
26.	Чернозолотой мальчик	41
27.	Мой сын вылепил	42
28.	Сказочка	43

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3476
.B855
V7
1922